

Вяч. Шишковъ.

БОБРОВАЯ ШАПКА.

Разсказъ.

Врач Шинковъ

Войсковая аптека

Васкларъ

Сапожникъ Снычъ былъ выпить не дуракъ. А руки у него золотыя.

Впрочемъ, работой онъ себя не утруждалъ: въ субботу напивался вдрызгъ, затѣвалъ съ кѣмъ-нибудь скандалъ и, весь избитый, попадалъ въ часть, гдѣ иногда просиживалъ и воскресенье. Понедѣльникъ же, какъ извѣстно, тяжелый день. Его Снычъ употреблялъ на опохмѣлку.

А то вдругъ укрѣпить гайку, мѣсяць работаетъ, другой работаетъ, потомъ какъ закрутить, ухъ ты, но!.. Морозъ не морозъ—бѣгаетъ въ опоркахъ по улицѣ, ругается, судьбу свою проклинаетъ, весь свѣтъ бѣлый проклинаетъ, кулаками машетъ:

— И буду пить!.. Потому, у меня душа воетъ. Ха, жисть!! Нешто это жисть? Тьфу!..

А извозчики на биржѣ зубы скалятъ:

— Эй, Снычъ!.. Ты не пей, брось... Ты копи деньги-то на водку!

Изъ себя онъ былъ тощій, блѣдный, бѣлобрысый, усики маленькіе, а подъ лѣвымъ глазомъ всегда фонарь.

Такъ бы Снычу и погибнуть, подъ заборомъ, но вотъ ударилъ надъ нимъ громъ, пришла бѣда, и вся жизнь его круто повернулась.

Случилось это такъ.

Однажды, поздней осенью—ужъ грязь на дорогѣ подстывать стала,—стянулъ Снычъ у своей законной жены Катерины Ивановны самоваръ и потащилъ его въ пропой.

Жена за нимъ.

— Стой, лиходѣй!.. Стой, мучитель!..

— Усмотрѣла, язва, учухала!..

Снычъ крѣпко самоваръ облапилъ, бѣжить быстро.

— Сторонись!—опорки по пяткамъ шлепають.

Подбѣжалъ Снычъ къ рѣчкѣ, батюшки! мостки разбирають плотники, одна плаха осталась, лежитъ на козлиныхъ.

— Имайте его, хватайте!..

Оглянулся Снычъ, жена къ нему летитъ съ лопатой.

— Врешь!.. Не дамся... Айда! — и пошелъ по плахѣ, какъ акробатъ по канату.

-- Что! взяла?

Катерина Ивановна кричитъ, слезы наскоро вытираетъ. Шага три было продвинулась, лопатой дно достала, да испугалась: плаха сверху ледкомъ покрыта, а по водѣ сивый туманъ ползетъ.

Тѣмъ временемъ Снычъ храбро за середку зашелъ. И надо бы ему потихоньку дальше итти, да жена словомъ обожгла:

— Прощальничекъ!.. Свистунъ!..

Повернулъ шею Снычъ:

— Кто? Я свистунъ?

Ахнула Катерина Ивановна, грохнули хохотомъ плотники. Снычъ съ самоваромъ въ рѣчку сверзился.

— Батюшки! Отцы! Угодники!.. Самоваръ-отъ, самоваръ-отъ имаите!..

— Дура!—крикнулъ съдой, въ валенкахъ, плотникъ.—Пшелъ, ребята, живѣй на лодку... Утонеть...

— Батюшки!.. Новей, вѣдь, самоваръ-отъ...

— Дай ей по шеѣ... Отъ такъ!..

II.

Послѣ такого студенаго купанья Снычъ слегъ. Ужъ масломъ его пособоровали, отходную прочли. Быть бы Снычу на погостъ, но натура сломила болѣзнь, всталъ Снычъ, оклемался. А когда окончательно выздоровѣлъ, положилъ зарокъ:

— Пропади оно пропадомъ, это окаянное пойло.. Крышка... Ни въ ротъ ногой!..

И зажилъ онъ съ тѣхъ поръ трезвой жизнью. Все пошло, какъ по маслу. Жена, бывало, изъ синяковъ не выходила, а теперъ модное пальто себѣ справила, калоши, зонтикъ. Да и самого

Сныча не узнать: бриться сталъ, въ баню ходить, одежку приличную сшилъ и собирается на толкучемъ рынкѣ граммофонъ купить.

— Ну, Катеринушка, теперь мы съ тобой люди-человѣки...

И, удивительное дѣло, совсѣмъ характеръ у Сныча перемѣнился. Бывало, во всей улицѣ первымъ буяномъ почитался, даже трезвый лишникъ разговоровъ не допускалъ. Чуть что не по немъ—живо оборветъ:

— Ну, ежели дорого, такъ и ходи вонъ... Машиннахаусъ...

А теперь Снычъ уступчивый, тихій, почтительный. Заказчика ласково принимаетъ, даже полицейскимъ—ужъ, кажется, зубъ на нихъ точилъ вотъ какъ!—и то почтенье оказываетъ:

— Пожалуйте-съ... Присядьте-съ... Пографимъ чикъ въ чикъ...

Снычемъ его уже никто не называетъ, и всякъ зоветъ Федоромъ Петровичемъ, или господиномъ Уткинымъ. Онъ заказалъ себѣ новую вывѣску, а старую, самодѣльную, на которой каракулями было выведено: „И принимаю сапожные работы“ „И принимаю ремонтные работы“ продалъ татарину.

Новая же его вывѣска была замѣчательна. На нее сбѣгалась смотрѣть вся улица. Многіе смѣялись, а нѣкоторые, что попроще, долго глядѣли на висѣвшій на крюкѣ огромный золотой сапогъ, по складамъ читали: „Профе-ессоръ Уткинъ“ и съ чувствомъ невольнаго уваженія проходили дальше.

А Федоръ Петровичъ, сидя подъ оконцемъ и постукивая молоткомъ по подметкѣ, про себя улыбался счастливой улыбкой:

— Катя... Глянь-ко, сколь народу останавливается: „Профе-ессоръ“. Понимаешь ли ты это самое слово-то? А все дяконъ надоумилъ: „Ты, — говоритъ, — Уткинъ, профессоръ своего дѣла всѣ—говорить—мои мозоли ублаготворилъ. Сшилъ сапоги, какъ влилъ“. Профессоръ—это слово ого-го! Дорогого стоитъ...

III.

Всякому свое отъ начала положено. У иного челнъ жизни плыветъ себѣ по глади тихаго озера, у другого—что волна-зыбунъ: то на гребень вскинетъ, то сразу, неожиданно ухнетъ въ пучину.

Такова, видно, была жизнь и Федора Петровича.

Пошелъ какъ то Федоръ Петровичъ въ Общественное Собраніе, очень хорошую вещь ставили, многими одобряемую, оперу

„Аскольдову Могилу“. Онъ принарядился въ праздничную, купленную „по случаю“ парочку, пристегнулъ манжеты и воротникъ. Осмотрѣвъ съ иронической усмѣшкой стоптанные свои сапоги, онъ въ смущеніи почесалъ за ухомъ и надѣлъ только что сшитые богатому заказчику лакированные штиблеты.

— Ну, какъ, Катя — ничего? — спросилъ онъ жену. — Могу, ежели, соответствовать?

Онъ внимательно прослушалъ оперу, съ жаромъ хлопалъ въ ладоши и кричалъ „биць“, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ похищается Любаша, даже украдкой всплакнулъ. Въ антрактахъ, заложивъ назадъ руки, разгуливалъ по фойе, гордо и строго провѣряя себя взглядомъ у каждаго зеркала, а передъ концомъ спектакля выпилъ лимонаду.

Когда публика стала расходиться, продираясь локтями къ вѣшалкамъ, Федоръ Петровичъ, будучи человѣкомъ скромнымъ, рѣшилъ подождать, пока схлынетъ волна людей.

— Ишь, черти, пруть... Тоже — господа называются... — критиковалъ онъ потную, тяжело дышавшую толпу.

— А гдѣ же моя шапка? — робко спросилъ онъ служителя, когда тотъ, наконецъ, подалъ ему пальто.

— Нѣту...

— Не безъ шапки же я пришелъ!.. Давайте мнѣ шапку! — крикнулъ Федоръ Петровичъ и, сейчасъ же сконфузившись, покраснѣлъ,

— Ага, эвона... — пробормоталъ онъ, вытолкнувъ кулакомъ изъ рукава пальто какой то черный комокъ.

Но, поднявъ съ полу шапку, Федоръ Петровичъ не призналъ въ ней своего порядочно облѣзшаго „котика“. Шапка была пышная, бобровая, съ бархатнымъ верхомъ. Рука Федора Петровича, какъ въ пухъ, ушла въ мягкій, серебристый отъ сѣдины мѣхъ.

— Эта, извините, не моя... У меня, знаете ли...

Но у вѣшалокъ уже никого не было. Последняя электрическая лампочка погасла, и только мерцалъ огонекъ у выхода.

Федоръ Петровичъ, держа въ рукѣ шапку, виновато, будто съ краденымъ, пошелъ изъ Собранія.

Морозъ былъ крѣпкій — пришлось ему надѣть чужую шапку, которая непомѣрной глубиной своей, прикрыла маленькую голову Федора Петровича до самаго кончика носа.

— Ну и башка... Это не башка, а котель...—проворчалъ Федоръ Петровичъ, сдвигая бобра на затылокъ и опасно озираясь по сторонамъ: въ городъ было неспокойно, зачастую случались грабежи.

И только вступивъ во мракъ своей улицы, Федоръ Петровичъ почувствовалъ себя въ безопасности и увѣренно застучалъ каблуками по заплатаанному, покрытому ледкомъ троттуару.

Въ его взмокшей подъ шапкой головѣ заронились мысли, связанные съ неожиданной находкой. Шапка, видать, дорогая, тысячная, можетъ, шапка. Какъ же теперь? Въ полицію, что-ль, представить? Да свяжись съ ними, съ иродами, не возрадуешься... Лучше-бъ хозяина разыскать, да въ собственные руки... А свою то гдѣ выручить?...

— Вотъ те опера!—досадливо буркнулъ Федоръ Петровичъ.

— Но чья-жь, однако, шапка? Графа Мозыля что-ль? Нѣтъ, у того рыжая, высокая... Ужь не Веревкинская ли?

Федоръ Петровичъ даже остановился.

— Вотъ бы здорово-то!.. Да въдь онъ за эту шапку сотни, поди, не пожалѣетъ. Шапка на весь городъ одна. Съ этой шапки и весь Веревкинъ то человѣкомъ сталъ. До нея и знать его не знали... такъ, купчина былъ, прасоль, сальный пупъ... А нынче... ого-го!.. Господинъ Веревкинъ... коммерсантъ!.. Ужь не его ли?

„Его!“ увѣренно стукнуло сердце, когда озябіе пальцы Федора Петровича снова потонули въ нѣжной, сверху заиндевѣвшей пушистой массѣ.

— Катерина, ты?

— Я... Чего поздно?

— Ну-у-у... лѣшій его съѣшь!.. Иди-ка, посмотри...

IV.

Федоръ Петровичъ долго не могъ заснуть. Онъ ворочался съ боку на бокъ, закугивался въ одѣяло, нырять головой подъ подушку, но все тщетно. Мысль о шапкѣ — Федоръ Петровичъ теперь былъ совершенно увѣренъ, что она Веревкинская — не давала ему покоя. Только выкуривъ подрядъ три собачьихъ ножки, онъ, наконецъ, уснулъ.

— Ха-ха... Лловко!.. Дакъ ты чего-жь его не будишь?

— Пусть спать... Сегодня праздник.

„Кум“, — сообразил Федоръ Петровичъ, чуть пріоткрывая лѣвый глазъ. — „Ну, чертъ съ нимъ...“

— Шапку... бобровую... А-а-а... такъ-такъ-такъ... — поймалъ онъ ухомъ и, точно шиломъ его кольнуло, вдругъ вскочилъ.

Нагнувшись къ свѣту, стоялъ у окна кумъ-булочникъ и внимательно разглядывалъ находку.

— Ну, Веревкинская... И къ ворожеѣ ходить нечего... — говорилъ онъ, встряхивая и крутя на кулакѣ шапку.

— Брось, положи! — крикнулъ Федоръ Петровичъ. — Повѣсь гдѣ взялъ...

— Да ты чего?.. Вставай-ка лучше...

Федоръ Петровичъ быстро одѣлся и плескаясь холодной водой, торопливо пересказалъ куму вчерашній случай.

— Ннда... Занятно... Тутъ дѣло сотней пахнетъ, — завистливо протянулъ кумъ. — Его... его... Веревкинская... Ее за три версты узнаешь...

— Дай-ка твой картузишко, до купца добѣжать.

— Да что ты, успеешь, — вразъ сказали и кумъ и зарумянившаяся у печки Катерина Ивановна. — Залѣзай чай-то пить.

— Какой тутъ чай!.. — торопливо бросилъ Федоръ Петровичъ и сорвалъ съ гвоздя запачканный мукой картузь кума.

— Завяжи-ка поаккуратнѣй, Катя, въ чистую салфеточку... Да ну-у... Чего-чего!.. Не понимаешь, что ли? Шапку!

Домъ купца Веревкина въ городѣ первый: трехъ-этажный, каменный, весь въ балкончикахъ.

— Толстопузая свинья! — буркнулъ Федоръ Петровичъ.

Но взглянувъ на свой узелокъ, онъ обмякъ и улыбнулся. Съ пріятной улыбкой подошелъ онъ и къ воротамъ, потому что ему очень живо представилось, какъ обрадуется купецъ находкѣ, и какъ онъ облагодѣтельствуетъ честнаго сапожника. „Что-жь сапожникъ. И царь въ сапогахъ ходитъ... Безъ нашего брата тоже ничего не выйдетъ...“

Если-бъ Федоръ Петровичъ могъ сейчасъ взглянуть на себя въ зеркало, онъ навѣрное обозвалъ бы себя нехорошимъ словомъ — такъ заискиваюче-малодушна была его улыбка. „Подхалюза чертовъ!“ все-таки выругалъ онъ себя и, напустивъ на лицо строгость, дернулъ звонокъ.

Калитка не открывалась, онъ еще позвонилъ, уже не столь смѣло, и самъ того не замѣчая, вновь потонулъ въ розовыхъ мечтахъ.

„Ну, и приличный же ты человѣкъ, Уткинъ. Настоящій ты профессоръ... На, получи сотнягу за свою честность! А не хочешь ли ко мнѣ въ довѣренныя?.. Эй, Мавра, покличь-ка молодцовъ... Вотъ, что ребята, ежели будете сапоги заказывать, али щиблеты, ваяй къ профессору... Сто паръ, двѣсти паръ въ годъ... Доволенъ, Уткинъ?..“

Утро было холодное, съ морознымъ туманомъ. Федоръ Петровичъ, одѣтый въ ватное пальто, сталъ мерзнуть, морозъ крѣпко щипалъ уши и носъ.

Наконецъ, калитка отворилась, и румяный курносый парень веселымъ сытымъ теноркомъ спросилъ:

— Кого?

— Да вотъ... шапку... Шапками мы вчера съ хозяиномъ вашимъ ненарокомъ помѣнялись...

— Да ну? Это какъ же тебя угораздило?

— Да понесла нелегкая въ Собрание... Вотъ теперь и хороюсь... съ притворной досадой сказала Федоръ Петровичъ.

— А-а... Н-ну... Шагай на куфню... Слушай-ка! Стой-ка!..

Парень закатился такимъ же сытымъ, казалось бы, безпричиннымъ смѣхомъ и, крутанувъ обмороженнымъ, съ болячкой, носомъ, таинственно зашепталъ:

— Ну, паря... Что вчера и было, у-у-у... Хозяина нашего ночью тепленькаго приволокли...

— Пьянаго, что-ль?

— У-у-у... — парень зашуриса и, потѣшно присѣвъ, повернулся на каблукъ, — пьянѣй вина...

— Безъ шапки?

— Нѣтъ, въ шапченкѣ какой то... А онъ, ишь ты, въ кянтерѣ быдто въ карты игралъ, да повздорилъ будто-бы... Ну, разулъ лѣву ногу, да разъ сапогомъ барину по харѣ... Х-хы!.. Ну, утолкли его подходяще... Дакъ тутъ не до шапки...

Федоръ Петровичъ, вздрагивая, теръ озябшими руками уши и старательно вторилъ смѣху веселаго парня.

— Ишь, замерзъ... Пойдемъ-ка на куфню... А ты съ него требуй красненькую... Какого лада... Дастъ!..

Въ кухнѣ было оодно. Высокая сухопарая кухарка съ засученными рукавами стояла у плиты и жарила олады.

— Самъ-отъ всталъ, али еще дрыхнетъ? — спросилъ парень.

— Прочухался... Къ глазу снѣгъ прикладываетъ.

— Иди, доложись... Человѣкъ, молъ, пришелъ, шапку евоюую принесь, — сказалъ парень кухаркѣ и, обратившись къ почтительно стоявшему Федору Петровичу, приказалъ:

— Разъязвай-ка... Кажи... Ну, знамо, его... На весь городъ — одна...

Кухарка одернула подоль, спустила рукава и, мелькомъ взглянувъ на образа, на цыпочкахъ пошла въ комнаты.

— Должно быть, сурьезный, хозяйинъ-то? — освѣдомился у парня Федоръ Петровичъ.

— У-у-у-у... Бѣшенный!

Федоръ Петровичъ осторожно кашлянулъ въ ладонь и еще болѣе присмирѣлъ. А когда изъ комнатъ донесся робкій голосъ кухарки и громкіе хриплые возгласы купца, Федоръ Петровичъ пріоткрылъ ротъ и ощутилъ по всему тѣлу легкую дрожь.

— Ничорта не пойму!.. Чего такое?..

— Да ишь, человѣкъ, молъ, пришелъ!.. шапку твою принесь.

— Шапку. Какую шапку? Дай-ка сюда халать!

Федоръ Петровичъ переступилъ съ ноги на ногу и, держа на салфеткѣ бобра, низко поклонился ввалившемуся въ кухню купцу.

— Съ праздничкомъ-съ, извините, ваша честь!.. какъ почивать изволили?

— А тебѣ какое дѣло!.. Ну, чего нужно?..

— А изволите ли видѣть!..

— Ну, изволю!.. — выкатывая цѣлый глазъ, раздраженно крикнулъ купецъ. — Дальше что!

— Такъ что были мы вчера въ театрѣ!..

— Кто это „мы“? Кто такіе эти „мы“? Мы — по нашему — королева.

Отъ этихъ окриковъ у Федора Петровича зарябило въ глазахъ, и языкъ его заработалъ самъ по себѣ, безъ всякаго толка.

— Собственно, не мы, а я!.. Собственно, къ примѣру, были мы при своей шапкѣ!.. Къ примѣру!..

— Тьфу!..

Парень, глядя на огромную рыжебородую, съ завязаннымъ глазомъ, фигуру хозяина въ ситцевомъ, огурцами, халатѣ, прикрывая ротъ рукой, давился смѣхомъ.

— Собственно... изволите ли видѣть... Мы сами сапожники... И къ примѣру будемъ говорить... потребовали пальто... И потребовали шапку... А намъ, извините...

Купецъ еще разъ плюнулъ, хлопнулъ себя по ляжкамъ и громко засопѣлъ, раздувая ноздри.

Федоръ Петровичъ, опасаясь взрыва, сразу нашелъ себя:

— Шапку, ваша честь, я принесъ... вашу собственную шапкуку...

Купецъ грозно шагнулъ къ Федору Петровичу и вырвалъ изъ его рукъ шапку, а тотъ продолжалъ срывающимся, какъ у молодого пѣтуха, голосомъ:

— А мнѣ, ваша честь, мою пожалуйста... Потому, какъ вы, обнаковенно, выпимши изволили прибыть... Обнаковенно, въ моей шапкѣ...

На полуфразѣ Федоръ Петровичъ быстро попятился къ двери, потому что купецъ, взмахнувъ бобромъ, неистово заоралъ:

— Что... Что-о-о?! Въ твоей шапкѣ?!

— Точно такъ...

— Я въ своей пришелъ!.. Стану я съ твоей вшивой башки твою шапку надѣвать!..—Онъ бросилъ къ ногамъ оцѣпенѣвшаго Федора Петровича бобровую шапку. Чтобъ твоего духу, болванъ, здѣсь не было! Вонъ!

Федоръ Петровичъ проворно поднялъ шапку, схватился за скобку двери и, весь позеленѣвъ отъ внезапно накатившей злобы, визгливо крикнулъ:

— Не разѣвай пасть-то! Думаешь, награбилъ, дакъ и... Хапуга!..

— Что-о-о?! — Купецъ метнулъ дикимъ взглядомъ по плитѣ и, схвативъ кастрюлю, грохнулъ ею въ Федора Петровича, быстро нырнувшаго на крыльцо.

Парень раскатился подобнымъ ржанію хохотомъ и тоже выскочилъ на улицу, а купецъ со сжатыми кулаками ринулся къ двери и осатанѣло ревелъ:

— Бей его!.. Мишка! Двинь!!

— А это видѣль? — надрывисто кричалъ со двора Федоръ Петровичъ наставляя купцу кукишь. — Хапуга!!!

Купецъ, какъ ошпаренный запрыгалъ на одномъ мѣстѣ и, брызгая слюной, такими словами пустилъ вдогонку Федору Петровичу, что кухарка сплюнула и трижды перекрестилась.

V.

Высочивъ за ворота, Федоръ Петровичъ безъ памяти до самаго угла бѣжалъ вприпрыжку.

Потомъ остановился, перевелъ духъ и, взглянувъ сначала на крутую крышу купеческаго дома, потомъ на шапку, вдругъ захоталъ какимъ-то нутрянымъ смѣхомъ.

— Не твоя, такъ не твоя... Дьяволь!..

Онъ сорвалъ съ головы кумовъ картузишко и небрежно сунулъ въ карманъ, а на голову торжественно надѣлъ, чуть сдвинувъ на затылокъ доставшагося ему бобра.

— Извозчикъ, подавай!

Усѣвшись поудобнѣй въ сани и запахнувшись полостью, Федоръ Петровичъ ухарски подбоченился и, широко улыбаясь, покатилъ домой.

— Къ профессору Уткину. Понялъ?

— Это къ сапожнику? Могимъ, — простуженнымъ голосомъ проговорилъ извозчикъ въ вывороченной вверхъ шерстью шубѣ. — Ино, ты... Помахивай!.. Сапожникъ Уткинъ, можно сказать, съ толкомъ человекъ... Онъ свое дѣло знаетъ... А раньше, бывало можно сказать — тьфу!..

— А что?

— Да какъ вамъ, господинъ, сказать... Извѣстно, мастеровщина... Очень просто... первый пьянчужка былъ... подзаборникъ... Ну, а теперича зарокъ, быдто, даль... Не знаю...

— Очень даже интересно, — закатился Федоръ Петровичъ. — Ну, стопъ подварачивай!..

Онъ далъ извозчику сверхъ таксы гривенникъ, а извозчикъ, поблагодаривъ и всмотрѣвшись въ лицо сѣдока, конфузливо крикнулъ и поскорѣе заворотилъ коня.

— Катеринушка, Катя... Кумъ!.. — весело и отрывисто заговорилъ Федоръ Петровичъ. — Мы богатые... Во! Получай. Наша..

— Тутъ образа... Сними шапку-то...

Счастливый Федоръ Петровичъ, обжигаясь чаемъ, сбивчиво и торопливо, съ тихимъ смѣшкомъ и жестами, рассказалъ всю исторію, впрочемъ, приукрасивъ многое, а о многомъ утаивъ.

И полились мечты о томъ, какъ хорошо можно будетъ наладить теперь сытую жизнь, а слово „тыща“, эта чудодѣйственная ось, склонялось во всѣхъ надежахъ, вызывая то восторги, то вздохи трехъ сидѣвшихъ за самоваромъ людей.

Ужъ Федоръ Петровичъ воображалъ себя хозяиномъ большой мастерской, обязательно гдѣ нибудь на главной улицѣ, а еще лучше на горѣ, на площади, чтобъ золотой сапогъ былъ виденъ отовсюду. Жена у него будетъ барыней, жену надо пожалѣть, потому—она богоданная, самая, значить настоящая, законная, а не то что какая нибудь... Будетъ, походила въ синякахъ, довольно.

— Кумъ. Катюха. Милые... Я васъ въ Москву свезу... Помните мое слово свезу... Вотъ подохнуть, свезу... Гуляй, ребята, пользуйся!..

— Благодаримъ, что ты...—говорилъ весь красный, растроганный кумъ,—ты только на ноги вставай крѣпче, а ужъ калачами я тебя закормлю... потому я понимать должонъ, потому я есть булочникъ, и я есть кумъ... Вотъ что.. А не то что бы что... Да!..

А Федоръ Петровичъ, словно опьянѣвъ, слушалъ, что ему говорить, и все время улыбаясь, часто срывался съ мѣста, обнималъ жену или ласково гладилъ лежавшую на угольникѣ шапку.

Катерина Ивановна каждый разъ легонько пыталась оттолкнуть наклонявшагося къ ней мужа, утирала губы фартукомъ послѣ его поцѣлуя, стыдливо опускала глаза, а ея поблекшее лицо вспыхивало и хорошѣло.

Вечеромъ Федора Петровича неизвѣстно отчего, вдругъ охватила страшная тоска. Катерина Ивановна еще до вечерни ушла къ знакомымъ, а Федоръ Петровичъ, завалившись на кровать, вздыхалъ. Онъ равнодушно слѣдилъ за ползавшими по потолку тараканами и только сморщился, когда одинъ изъ нихъ, сорвавшись, шлепнулся ему на носъ.

Въ дверь постучали, но Федору Петровичу лѣнь было подняться, и онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока весь домъ не затрясся отъ чихъ то бившихъ въ дверь каблуковъ.

— Неужели не слышишь? Оглохъ, что-ль!—сердито сказалъ вошедшій кумь.—Дрыхъ?

— Нѣтъ, такъ... Чижало чего то...

— Ну, вотъ и ладно... А я за тобой. Человѣка нужнаго тебѣ предоставлю. Пойдемъ въ трактиръ, онъ теперь тамъ. Чайку хлебнемъ и все такое...

Кумь думалъ, что Федоръ Петровичъ обрадуется и поблагодарить его за хлопоты. Но тотъ слушалъ его равнодушно и вяло согласился. Заперли они квартиру, а ключъ спрятали въ условленное мѣсто за карнизъ.

VI.

Трактиръ „Зеленая Долина“ по случаю праздника былъ биткомъ набитъ трезвой, выпившей и совсѣмъ захмелѣвшей публикой. Было душно, накурено, и временами стоялъ такой невообразимый гвалтъ, что даже гремѣвшій во всѣ трубы и барабаны оркестрионъ не могъ заглушить его.

Федора Петровича, отвыкшаго отъ угара веселыхъ кабаковъ, точно коломъ ударило. Онъ въ раздумьи приостановился, собираясь повернуть назадъ, но кумь подъ самое его ухо крикнулъ:

— Плыви къ стѣнкѣ!.. Подсаживайся... Здорово, Захаръ Иванычъ. Ты что, гуляешь?

— Мало-мало есть...—пошлепалъ отвисшей губой красный плѣшивый толстякъ, отирая платкомъ бритое лицо.

— Можно къ тебѣ присосѣдиться. Это мой кумь, Федоръ Петровичъ Уткинъ, а это Пуговкинъ, Захаръ Иванычъ, скорнякъ. Ну, будьте знакомы. Вотъ такъ... Эй, человѣкъ! Чаю!.. Два и три... Живо. Стой! Стой!.. Да притащи-ка полдиковинки.. На закуску? Сыпь селедочку, да грибочковъ, что ли, подбрось соленькихъ... Ну, махомъ!

Кумь былъ необычайно оживленъ, и отъ него чуть-чуть пахивало водочкой. А Федоръ Петровичъ все еще былъ угрюмъ и мраченъ.

— Ну, какъ господинъ сапожныхъ дѣлъ мастеръ, съ заказчикомъ у васъ тихо, али ничего, идетъ?—освѣдомился скорнякъ у Федора Петровича, играя золотымъ съ камнемъ перстнемъ.

— Съ заказчикомъ?—закричалъ кумь и хлопнулъ обѣими

ладонями по столу.—Ха-ха. Нѣтъ, ты дай намъ шапку продать, вотъ мы тогда покажемъ... Ужъ мы тогда удостовѣримъ, какіе бываютъ которые сапожники!..

Федоръ Петровичъ въ достоинствѣ кашлянулъ и шевельнулся на стулѣ, а Захаръ Иванычъ спросилъ:

— Какую шапку?

— А вотъ какую: тысячную. Веревкинскую знаешь? ну-къ она.

Тутъ Федоръ Петровичъ какъ слѣдуетъ откашлялся, не торопясь вытеръ носъ и, напрягая легкія сталь рассказывать Захару Иванычу исторію съ шапкой. А расторопный кумъ тѣмъ временемъ налилъ три рюмки и, облизываясь на селедку съ грибами, крикнулъ:

— Господа, клюнемъ!.. Кумъ, бери... кушай.

— Знаешь, вѣдь — не пью, — отрѣзалъ Федоръ Петровичъ, прихлебывая изъ стакана чай.

— Не пьешь? Ну, будь здоровъ, Захаръ Иванычъ, бери...

Федоръ Петровичъ помаленьку началъ входить во вкусъ и съ любопытствомъ разглядывалъ публику. Какой то долгобородый старикъ и усатый человѣкъ съ кривымъ глазомъ, стали обниматься, взасось цѣловать другъ друга и горько плакать:

— Миша... Мишъ!.. Ей-Бо-о-огу... — кривилъ ротъ старикъ.

— Дѣдушка Лука; помни!.. Ты мнѣ замѣстъ отца...

— Мишъ, голубь!..

Федоръ Петровичъ хихикнулъ, тотчасъ-же прикрывъ изъ приличія ротъ рукой.

Изъ дальняго угла кто то тенористо оралъ и билъ кулакомъ по столу:

— Давай!.. Сказано, давай... А то въ моррду!..

— Эй, малый!.. Наверни-ка комаринскаго...

У стола, пригорюнившись, сидѣла женщина и караулила заплаканными, въ синякахъ, глазами своего загулявшаго мужа. Федоръ Петровичъ взглянулъ на нее, и настраивавшаяся на веселье душа его вновь померкла. Ему вспомнилась Катерина Ивановна, она вотъ такъ же по кабакамъ хаживала, охраняя его, пьянаго и задирчиваго, и расплачиваясь за свою печаль о немъ собственными боками. Вспомнилось, какъ однажды утромъ, послѣ пьяной ночи, Катерина Ивановна молча подала ему клокъ своихъ волосъ

съ запекшейся на нихъ лепешкой крови, и такъ же молча отошла, утирая фартукомъ покотившіяся слезы. И многое другое, такое же мрачное, вспомнилось въ эту минуту Федору Петровичу. Онъ крѣпко потеръ ладонью вспотѣвшій лобъ и, шумно вздохнувъ, задумался.

— Кумь, да ты чего? Выпей...

— Кто, я?—растерянно отозвался Федоръ Петровичъ.—Нѣтъ, подожду...

— Зря!.. Это ты, кумь, зря!.. Пей, да дѣло разумѣй!..

— Да выкушайте, Федоръ Петровичъ!.. Позвольте васъ съ шапочкой поздравить,—прохрипѣлъ скорнякъ и похлопалъ Федора Петровича по плечу:

— Отечественная!.. съ грибочкомъ-съ!..

Федоръ Петровичъ сглотнулъ слону и со страхомъ почувствовалъ, какъ у него вдругъ засосало подъ ложечкой. Онъ крѣпко стиснулъ зубы и едва могъ дождаться, когда его вновь попотчуютъ.

— Нѣтъ, не буду!.. Боюсь!..—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, когда кумь, кланяясь и упрасывая, поднесъ къ самымъ его губамъ рюмку.

Въ это время, какъ на грѣхъ, грянулъ „Комаринскій“, кто то въ присядку бросился, присвистывая и дробно стуча каблуками.

— Гуляй!.. Рработай!.. Шире-бери!..

Федоръ Петровичъ испуганно схватилъ за рукавъ свою правую руку, но она властно протянулась къ рюмкѣ и выплеснула водку въ жадно раскрывшійся хозяйскій ротъ.

Федоръ Петровичъ чуть не упалъ со стула, такъ его всего передернуло и повело.

— Ха-ха!.. Молодецъ!.. Ай да кумь!.. Эй, парень! Дай-ка на троихъ графинчикъ!.. Ну, махомъ!..

Не съ четырехъ рюмокъ захмелѣлъ Федоръ Петровичъ. Опьянили его рѣчи Захара Иваныча.

— Ты мнѣ повѣрь!.. А на кума наплюй!., Его дѣло—квашня!.. Такъ или не такъ? А-а-а!.. то-то вотъ и есть!..

— Нѣтъ, товарищъ, стой,—трясъ бородой кумь.—Ежели къ примѣру, хоша я со временемъ булочникъ, а въ шапкѣ и я понимать должонъ.

— Кто, ты? Тыфу! Вотъ твое понятіе... На-ка, выкушай... А я вотъ тебѣ докажу... Да!.. И больше никакихъ!..

— Господа, позвольте...—пробоваль вмѣшаться раскраснѣвшійся Федоръ Петровичъ.

— Ничего не позволю!.. тыщу и больше никакихъ...—выкатывая глаза, старался Захаръ Ивановичъ.—Завтра же пришлю покупателя.. Ей Богу, пришлю!.. Съ башкой оторвутъ, а не то что... Ха, да эту шапку еще не всякому губернатору носить!.. Понялъ? милъ человѣкъ...

Когда графинчикъ былъ допить, огромный Захаръ Ивановичъ хватилъ въ охапку щуплаго Федора Петровича и потащилъ къ буфету:

— Ежели желаешь угостить, идемъ... Желаешь, нѣтъ?

— Желая, всѣхъ угощу... Пей!..—бормоталь Федоръ Петровичъ, волоча ноги.

— Стой, держись!—скомандоваль Захаръ Ивановичъ.—Гдѣ буфетчикъ? Подать сюда буфетчика,.. Эй, Костя!.. Константинъ Палычъ, будь другъ, уважь,.. Что будемъ требовать—давай... На сто рублей—давай!..

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, подымаясь изъ за выручки, бѣлобрысый, съ оплывшимъ лицомъ буфетчикъ.

— Можешь ты дать этому человѣку сто монеть? А? Въ долгъ чтобы, на всю компанію, а?

— Нѣтъ...

— Свинья ты послѣ всего этого!..

— Прошу не выражаться.

— Дурракъ!.. Да у этого человѣка тысячи... Федоръ Ивановичъ! Иванъ Федорычъ! Профессоръ!.. Плюнь ему въ маковку... Я тебѣ своихъ дамъ. На, бери безъ счету... Чего тамъ...

Федоръ Петровичъ, запустивъ въ протянутый бумажникъ руку, досталь пачку денегъ и, пьяно хохоча, завопилъ:

— Шан-панскавал!..

Какъ коршунъ слетѣлись прихлебатели, сдвинули три стола и началась попойка.

— Уткинь! Какого чорта! Эй, Уткинь! Требувай коньяку полдюжины!—кричали пьяныя чужія рожи.

— Коньяку! Жива-а-а!—командоваль Федоръ Петровичъ, что есть силы колотя въ ладоши.

Ребята! Черти!!—ерошилъ онъ на себѣ волосы.—Ха-ха!... Нѣтъ, врешь, купецъ—кричу я ему—подай мою шапку! Онъ у меня, ребята, и присѣлъ... „Профессоръ, говорить... господинъ профессоръ, помилуйте... „А я замѣсто того, сгребъ горшокъ съ кашей, да разъ ему въ хлебало!.. Ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха!...—вторили горластые рты.

— Скорнякъ я или не скорнякъ?—перегибаясь черезъ столъ и стуча кулаками въ грудь оралъ Захаръ Ивановичъ, вопрошая булочника.—Скорнякъ я, али быкъ?

Но булочникъ мирно спалъ, чавкаль во сиѣ губами и неистово храпѣлъ.

— Я директору въ пять тысячъ мѣхъ подбираю... Убей меня Богъ—не вру!.. А шапку я ему всучу. Вотъ подохнуть—всучу!

— Урра! Товарищи! За шапку!.. Урра!..—размахивая стаканомъ, кричалъ Федоръ Петровичъ.

— Урррра-а-а!..

— Товарищи! Черти!.. За камчатскаго бобра!.. Урра!..

— Уррра!..

— Капусты!.. Квасу!..

— Шанпа-анска-ава!..

VII.

Катерина Ивановна вернулась домой поздно.

Она не удивилась, что мужа нѣтъ дома: можетъ быть, въ гости ушелъ, можетъ быть—къ заказчику.

Согрѣвъ самоваръ и накормивъ карноухаго кота кислымъ молокомъ, Катерина Ивановна раскинула колоду картъ. Три раза она метала карты, и каждый разъ ложилась пиковая масть. Катерина Ивановна, будучи женщиной суевѣрной, чрезвычайно встревожилась.

— Какой же это благородный король съ непріятностью?—ломала она голову, и сердце ея сжималось недобрымъ предчувствіемъ.

Скрипнула калитка, раздали по двору шаги нѣсколькихъ ногъ и стукъ въ дверь.

— Слава Богу, прилѣзь!.. Съ кумомъ, надо быть...

Она отключила дверь и, раскрыв ротъ, замерла.

Въ запорошенныхъ снѣгомъ папахъ и башлыкахъ вошли приставъ, околодочный, двое городскихъ и трое постороннихъ — понятахъ.

— Сапожникъ Уткинъ Федоръ Петровъ дома? — спросилъ приставъ, бросивъ портфель на край стола.

— Ихъ нѣту-съ, — дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣтила Катерина Ивановна.

Приставъ опустился на скамейку и, обкусывая съ лусовъ ледяныя сосульки, вновь спросилъ:

— Куда ушелъ? Съ кѣмъ? В ѣкакой шапкѣ? Въ своей или въ Веревкинской?

— А они безъ меня ушли-съ... Я ушедши была-съ...

— Васкородіе, — стукнувъ по военному каблуками, вытянулся передъ приставомъ городской. — Такъ что, позвольте доложить, шапочка въ шкапчикѣ за стекломъ положена... Такъ что, вотъ она... извольте взглянуть...

— Ага... Хозяйка, потрудитесь достать...

— Да у мужа ключъ-отъ... Ишь, заперто...

— Ага... Трепчукъ, отомкни... Господа понятае, потрудитесь удостовѣриться: она?

— Она... Она самая...

Ага... Васильевъ, возьмите шапку... Распишитесь, господа... Хозяйка, а почему вашъ мужъ не заявилъ въ участокъ о находкѣ?.. Ага... Самъ купецъ отдалъ?.. Ну, такъ пусть завтра въ десять утра придетъ въ часть... До свиданья...

Приставъ всталъ, выпрямился, взявъ портфель и, уставивъ носъ въ потолокъ, направился къ выходу.

Когда за нимъ двинулись остальные, Катерина Ивановна заголосила:

— Это даже очень нехорошо съ вашей стороны... Это не порядки. Видано ли это дѣло, чтобы безъ мужа взять!.. Отдайте шапку... Я губернатору доложусь...

Но ватага, стуча каблуками, вышла на улицу.

Катерина Ивановна стояла среди комнаты и въ сильномъ волненіи грызла ногти. Наконецъ подошла къ большому сундуку и повалилась на него внизъ лицомъ. Зубы ея выстукивали дробь, вся она тряслась. И шапки ей было жаль, собственно не шапки,

а того неизвѣданнаго, что сулили ей мечты, и вся ея прошлая жизнь, съ зуботычинами и голодомъ, какъ то вдругъ вспомнилась.

— Матушка-Богородица,—шепчетъ Катерина Ивановна, приподымая голову и тянется взглядомъ къ озаренному лампадкой образу. Но взоръ ея наткнулся на открытую дверцу шкафчика, и занесенная для крестнаго знаменія рука остановилась.

— Ограбили...—простонала Катерина Ивановна и, передернувъ плечами, заплакала.

Катерина Ивановна всю ночь просидѣла у окна, тревожно сквозь слезы всматриваясь въ мутный свѣтъ улицы. А Федоръ Петровичъ попалъ, какъ водится, въ участокъ и, благополучно переночевавъ тамъ, чѣмъ свѣтъ явился домой, весь измазанный какимъ то киселемъ.

— Хорошь!.. Это ты гдѣ же по ночамъ хороводишься, а?.. Старинку вспомнилъ?—сердито встрѣтила его жена.

— Ну, не базлай!.. Ну тя къ ляду!.. Чего орешь!

— Ору?.. А вотъ то и ору!.. Батюшки!.. Да онъ, никакъ молодчикъ пьяный!..

— Кто я?.. А гдѣ шапка?

— Шапка?—подбоченилась Катерина Ивановна и, чувствуя какъ закипѣла въ ней кровь, злорадно бросила:—у купца твоя шапка... Кабы не жралъ, дакъ...

У Федора Петровича подогнулись ноги, и онъ, шипя, подступалъ съ кулаками къ женѣ.

— У какого купца? Подай сюда мою шапку!

— Ты что?.. Ты драться?.. А-а, ты драться!..

— Подай, паскуда, шапку!

Катерина Ивановна, визжа и вырываясь изъ рукъ мужа, бросилась въ кухню и закрючила за собой дверь.

— Спасибо, муженекъ дорогой?.. Спасибо, обрадовалъ...

Федоръ Петровичъ схватился за голову и подошелъ къ окну.

На улицѣ завихоривала метель. Сквозь подслѣповатыя двойныя рамы, вмѣстѣ съ воемъ вьюги доносился благовѣсть.

— Катерина... слышь... Отопри, скажи толкомъ.

Катерина Ивановна, какъ кошка, притаилась, чтобы сразу показать когти. Наконецъ, крикнула:

— Въ участкѣ твоя шапка!.. Полиція была..

Федоръ Петровичъ опустился на табуретку и вдругъ почувствовалъ, какъ заколыхался подъ нимъ полъ.

— Вотъ, открой теперь на площади мастерскую... А какъ быть ты пьяницей, такъ пьяницей и околѣешь...

— Брось... Будетъ...

Федоръ Петровичъ, пошатываясь, подошелъ къ кровати, рванулъ съ себя пиджакъ съ такой силой, что отлетѣли всѣ пуговицы и, разувшись, грохнулъ оба сапога въ шкафчикъ. Потомъ повалился на кровать и вскорѣ тяжело уснулъ.

Онъ спалъ цѣлый день, во снѣ бредилъ: хохоталъ, звалъ кума, Захара Иваныча, а потомъ громко крикнулъ: „Шанпанскаго“ и проснулся.

Передъ нимъ стоялъ скорнякъ и, поглаживая лысину, говорилъ:

— Экъ, разоспались... А я за шапкой... Пойдемте скорѣй... Покупатель у меня дожидается, директоръ...

Федоръ Петровичъ приподнялся, растерянно поглядѣлъ на улыбавагося Захара Иваныча... И горько вздохнулъ: Полиція была... Назадъ отняли...

— Да ты что?.. Да не можетъ быть... Да ты шутишь?..— бритое лицо скорняка вытянулось и обвисло, а глаза язвительно прищурились.

Онъ посвисталъ, прошелся по комнатѣ и косясь на растерянную фигуру сапожника, жестко сказалъ:

— Ну, тогда деньги отдай... восемьдесятъ рублей... вчерашніе.

— Помилуйте... Гдѣ жь я возьму?.. Сразу то...

— Въ судъ подамъ!.. Мошенники вы съ кумомъ то своимъ! Прохвосты!

Федоръ Петровичъ согнулся и вобралъ голову въ плечи, будто опасаясь, какъ бы не рухнуть поголокъ.

— Напрасно вы такъ объ насъ понимаете... Это даже очень низко,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Низко? А вратъ не низко?.. Сказки рассказывать не низко? А?!

— Да не серчайте вы... Какъ не то заплачу... Вникните вы пожалуйста въ суть... Не безчестьте...

— Вникнуть?.. Я давно въ тебя вникнул!.. Мазурикъ ты, вотъ ты что!

— Эхъ вы-ы!.. Господинъ скорнякъ!..—Лицо Федора Петровича вдругъ все сморщилось и задрожало.

— Ты мнѣ кислыхъ антимоній то не разводи!—крикнулъ Захаръ Ивановичъ и, запахнувшись въ потертый еногъ, рванулся къ двери,— у меня свидѣтели есть... Я тебя достану!!

— Что-жь... ваша вода...

Вдругъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ полицейскій.

— Здравствуйте... Который изъ васъ есть Уткинъ?.. Пожалте въ часть.

VIII

Федоръ Петровичъ, уязвленный жизнью, вновь потерявъ вышній человѣческій обликъ и превратился въ прежняго, вѣчно пьянаго Сныча. Это угарная, звѣриная жизнь скоро подѣкла силы Катерины Ивановны. Она слегла и ни на что не жалуюсь, ни о чемъ не сожалѣя, покорно ждала смерти.

Когда ей стало тяжело, Федоръ Петровичъ, лохматый, грязный съ пропойнымъ запахомъ побѣжалъ въ больницу.

— Ваши благородья!.. высокородья!.. Возьмите, попользуйте, конецъ всей жизни!.. Жену, жену!.. — косноязычно заговорилъ онъ въ волненіи.

Но фельдшерица объяснила, что здѣсь пьяницъ не лечатъ, а больную тоже помѣстить нельзя: нѣтъ свободныхъ коекъ.

— Значить, околѣвать?.. Благодаримъ...

Федоръ Петровичъ съ горя пошелъ въ кабакъ, а возвратившись, уже не засталъ въ живыхъ Катерины Ивановны. Онъ шагнулъ въ комнату обычной своей расхлябанной походкой и пошатываясь, ухватился за косякъ. Но, взглянувъ въ передній уголь обмеръ. Еще онъ не могъ осмыслить и понять того, что видитъ, но какое то внутреннее чувство ошеломило его и потрясло. Онъ вдругъ отрезвѣвшими ногами быстро подошелъ къ столу, перекрестился и странно, едва уловимо улыбнувшись мертвому лицу Катерины Ивановны, всталъ на колѣни и земно ей поклонился.

— Полюбуйся, пьяница;— послышался женскій голосъ.— Уморилъ, а теперича на карачки? Можетъ, еще плакать будешь?

Федору Петровичу представилось, что это брюзжить покойница. Онъ уперся руками въ полъ и оторопѣло хватаясь за ножку стола, поднялся. Передъ нимъ стояла сосѣдка, старая Петровнушка, она нашивала рюшь на подушку, вокругъ изголовья Катерины Ивановны. Въ высокихъ подсвѣчникахъ загадочно колыхались три хвостатыхъ огонька восковыхъ свѣчъ. На сундукъ у двери кто то сидѣлъ и потихоньку охалъ.

— Пьяница...

Федоръ Петровичъ скорбно посмотрѣлъ на слезящіеся глаза Петровнушки и вздохнулъ:

— А ты пойми, разжуй все съизначала... Тогда лай... — сказалъ онъ сухо и, выйдя въ кухню, бросился на холодную, пропахшую лекарствами кровать.

Морознымъ утромъ, когда гробъ несли на кладбище, Федоръ Петровичъ, обросшій бородой, съ убитыми въ коричневыхъ кругахъ, глазами, шагаль за гробомъ. Увидавъ рядомъ съ собой кума, онъ сердито отвернулся отъ него и присталь къ кучкѣ сосѣдей.

— Свя-а-тый... Бо-о-же-е... — подхватываль онъ за дьячкомъ и священникомъ, но голосъ его срывался. Въ его головѣ мелькали какіе то непонятные обрывки жизни, онъ неясно сознаваль, куда идутъ люди, и среди нихъ онъ, зачѣмъ въ этотъ тоскливый часъ свѣтитъ солнце, за чѣмъ насильно уходитъ отъ него Катерина Ивановна, а вмѣстѣ съ ней — вся его жизнь?

«Худо ты, Федька, сдѣлалъ, нехорошо... Одинъ твой путь — погась».

— Свя-а-тый... — вновь попробоваль пристать Федоръ Петровичъ и на этотъ разъ окончательно захлебнулся слезами. И до самой могилы угрюмо молчалъ, только прикрываль, когда становилось невтерпежъ, и моталь головой.

IX.

Подъ золотымъ сапогомъ вскорѣ сталь работать другой хозяинъ, сколотившій копеечку одноногій солдатъ. А Федора Петровича судьба швырнула въ сырой, покрытый плѣсенью подваль, на самую дальнюю улицу. Но гостепріимныя стѣны каталажки всегда къ услугамъ Федора Петровича, большую часть ночей онъ, силою несчастныхъ обстоятельствъ, коротаетъ тамъ.

И у всѣхъ Снычъ теперь снова сталъ посмѣшищемъ, а къ прежнему его прозвищу еще прибавилось другое: „Бобрячья шапка“.

Оставшись безъ жены, безъ укрѣпы въ жизни, Федоръ Петровичъ понялъ, что его пѣсенка спѣта, и что нѣтъ ему возврата къ свѣтлымъ днямъ. Въ немъ еще что то боролось, какой то внутренней голось стыдилъ и обличалъ его, но Федоръ Петровичъ потерялъ надъ собою власть и, покорно сложивъ крылья, падалъ. Закадычные друзья, знакомые какъ то вразъ отшатнулись отъ него.

— Плевать!—сказалъ самому себѣ Федоръ Петровичъ,—Безъ дураковъ обойдемся!

А въ минуты унынія, сидя въ своемъ сыромъ подвалѣ, самъ другъ съ бутылкой, онъ заунывнымъ теноркомъ тянулъ:

Всѣ дру-уги всѣ-ѣ пріятели-и-и

До черна-а-аго лишь дня-а-а...

Но пѣсня бередила душу. Федоръ Петровичъ, безнадежно махнувъ рукой, срывался съ мѣста и, топая по скользкому отъ грязи полу, тыкалъ кулакомъ по направленію къ махонькому оконцу:

— Помни, жители! Всѣ помни!.. Я вамъ не воръ...

И съ горькой обидой вспоминалъ, какъ за нимъ гурьбой бѣгали мальчишки, чѣмъ попало кидали въ него и, по примѣру взрослыхъ, кричали:

— Зачѣмъ у купца бобрячью шапку укралъ? Мазурикъ...

— А какъ въ тебя кашей брякнули!..

— Воръ!

Но къ ребятишкамъ Снычъ относился снисходительно. Какъ то сгребъ онъ вихрястаго забіяку и, къ удивленію мальчишекъ, ничего ему не сдѣлалъ, лишь далъ для порядку легонькаго тумака, а потомъ сказалъ:

— Дурачекъ... Эхъ ты, дурачекъ!.. Собака я, что ли, а?..

За то со всѣми прочими гражданами объявилъ себя въ войнѣ. Ненависть къ купцу Веревкину, отъ котораго и пошелъ весь грѣхъ, Федоръ Петровичъ перенесъ и на другихъ людей состоятельныхъ, а потомъ и на прочихъ обитателей города.

Какъ то онъ, пьяненькій, обхвативъ телеграфный столбъ, самъ надъ собой строжился, грозя кому то обмотаннымъ тряпкой пальцемъ:

— Федоръ Петровичъ, Федька, профессоръ... Ты—болванъ... Театры, Аскольдова могила и все такое... Шапка!.. Могъ ли ты эту самую шапку ханнуть? Отвѣчай... Могъ? Дуракъ-дуракъ-дуракъ... Сто разъ дуракъ! — Федоръ Петровичъ посовался носомъ и, вновь укрѣпившись, продолжалъ. — Нѣ-ѣ-ѣтъ... Ты, Уткинъ, этого не могъ бы... Вотъ тутъ, понимаешь, вотъ тутъ тебѣ не дозволяетъ! — и онъ ударилъ себя въ грудь. — И ежели бы ты ханнулъ, утаилъ бы, тыщу бы въ горсть себѣ зажалъ... Понимаешь, Уткинъ, какъ бы я съ тобой поступилъ: взялъ бы ножъ, рассадилъ бы твою бѣлу грудь и сказалъ бы: лети, душа... лети...

Голова его нѣко свѣсилась и приникла ухомъ къ столбу, словно Федоръ Петровичъ прислушивался, какъ гудятъ вверху струны.

— А вы! Вы!.. — хрипло крикнулъ онъ, выпрямляясь; его брови взлетѣли вверхъ, а глаза выкатились и засверкали. — Человѣки, жители!.. Да понимаете ли вы, болваны!.. Вамъ смѣшки да хананьки, а Уткинъ -- жену на погостъ стащилъ... Уморили мы ее... братцы, миленькіе!.. Эхъ вы, жители!..

Ослабѣвшія руки его заскользили по столбу, а продрогшее тѣло скорчилось и просило покоя. Онъ качнулся и упалъ въ снѣгъ. Проходившій мимо полицейскій долго теръ ему уши шершавыми своими ладонями, Федоръ Петровичъ мычалъ отъ боли.

— Вставай!.. Отморозишь руки-то...

— Плевать... Новая вырастутъ... Душа моя замерзаетъ...

Чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ глубже вскрывалъ судьбу человѣческую обострившимся внутреннимъ взоромъ и гарь жизни, какъ изъ трубы дымъ, валила на него и ѣла глаза. И ужъ вся эта жизнь показалась Федору Петровичу ненужной, тягостной. Онъ недоумѣвалъ, для чего маются на свѣтѣ люди, когда такъ все плохо, такъ много кругомъ обмана, жульничества, зла. Вотъ богатые и сильные, — ихъ кучка, — по какому праву они жрутъ, чавкаютъ народъ, а народу тьма тьмущая, конца-краю нѣтъ. Какъ понять, кто въ этомъ распорядкѣ потатчикъ? А?

— Богъ... — сказалъ ему однажды собутыльникъ, отставной ветеринарь.

— Дуракъ ты, баринъ... Хотя и пьяница, — отвѣтилъ Федоръ Петровичъ и въ ту же ночь высадилъ коломъ зеркальное стекло въ только что отстроеномъ торговомъ банкѣ.

— Супризь... На память...— морща брови сказалъ онъ сквозь зубы схватившимъ его дворникамъ.

— Кому служите? Чорту служите... буйно кричалъ онъ на всю улицу, отирая струившуюся изъ разбитаго носа кровь.

— Того всѣ лупятъ, который бѣдень, да не воръ... Почему зря. А ежели какой мазурикъ въ капитальщики вылѣзъ — шея передъ нимъ гнутъ, сапоги лижутъ... Тоже, народъ...

Ему было пріятно слушать свой обличающій голосъ, онъ не чувствовалъ боли отъ побоевъ и бодро, съ видомъ побѣдителя, шагаль въ участокъ сквозь спящія улицы и переулки.

— Взять Веревкина... Нѣшто не на тухломъ мясѣ онъ миллионъ-то нажилъ, а?!

Но тутъ-же себя укорилъ въ душѣ: — „Тоже и я хорошъ, дьяволь...“ — и долгое время послѣ этого былъ противень себѣ за прошлое.

— Слышь, дай... дай мнѣ по башкѣ разѣ! — приставаль онъ какъ-то въ пивнушкѣ къ запухшему отъ вина нищему. — Нѣтъ, ты двинь, тогда скажу, за что... За то самое... Эхъ, тошно говорить... „Съ праздничкомъ ваша честь... Шапочку извольте...“ Тьфу!

А потомъ неожиданно схватываль перепугавшагося нищаго за шиворотъ и ораль во всю мочь:

— Гдѣ моя жена, сказывай, старый чортъ?!—и упавшимъ голосомъ, шумно отдуваясь, добавляль:

— Они, товарищъ, уморили Катерину-то... Я такъ полагаю, что они...

X.

Дни сѣрые, томительные ползли своей чередой, но Федоръ Петровичъ потеряль имъ счетъ и озлобленными, какъ у подстрѣленнаго коршуна, глазами, смотрѣль на Божій свѣтъ: бабу беременную извозчикъ растопаль? Плевать... Гулящую дѣвицу два молодца зарѣзали? Чортъ съ ней... Во всѣхъ церквахъ благовѣсть гудить? Молись, кутя, лѣзь на небо!..

Но когда не выносило сердце, онъ всѣмъ грозиль:

— Погоди, жители! Я васъ обсоюжу... Я всему городу подметки подобью!

Объявивъ себя въ войнѣ съ обывателемъ, Федоръ Петровичъ ужъ никому не даваль проходу: ни конному, ни пѣшему.

Онъ сдѣлался для города какою то египетской казнью, какимъ то всегда занесеннымъ надъ сытой толпой бичемъ; вотъ-вотъ стегнеть. Появляясь въ мѣстахъ сборищъ, гдѣ-нибудь въ саду, на каткѣ, у церкви или на базарѣ, среди торговкохъ и румяныхъ барынь, онъ иной разъ больно сѣкъ и праваго и виноватаго, вкладывая въ свои пьяныя рѣчи терзавшую его желчь и злобу.

— Разбойники! Всѣ вы разбойники... Слиивки?... Наверхъ всплыли? А о нашемъ братѣ вы подумали?.. Эй ты, курносая!.. Ты пошто рыло то нарумянила?.. А-а-а!.. Духи?.. Резеда и все такое... Нѣтъ, ты въ подвалы загляни! Нюхни-ка курносая, каково сладко жить то тамъ... Ты не тряси сережками то... Ишь ты... брильянты!.. Ха!..

А на хихикавшую, жадную до скандальчиковъ толпу, весь ошетинившись, зыкнуть:

— Моррды!

— Иди, кабацкая затычка...

— Городовой... Гдѣ городской?..

— Моррды... Вы только и знаете, что городской... Погоди, я васъ еще не такъ двину...

Его обыкновенно схватывали, волокли въ участокъ и тамъ внушали по положенію.

Больше же всѣхъ доставалось купцу Веревкину. Когда Федоръ Петровичъ бывалъ въ той части города, гдѣ жилъ купецъ, онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ подойти къ его дому и устроить очередной скандалъ.

Взбѣшенный купецъ высылалъ тогда своихъ молодцовъ, и тѣ гнали сапожныхъ дѣлъ мастера до самаго переулка. А однажды самъ купецъ, доведенный Федоромъ Петровичемъ до бѣлаго калѣнья, выскочилъ за ворота и запустилъ въ него березовымъ полѣномъ. Но, промахнувшись по сапожнику, чуть не огрѣлъ полѣномъ проходившую съ базара протопицу и, взбросивъ на голову фалды сюртука, какъ школьникъ быстро юркнулъ въ ворота.

— Вотъ даже какъ! Ха-ха!.. — крикнулъ Федоръ Петровичъ. — Это по духовному-то званію полѣномъ?.. Атлично!.. Очень харрашо!..

На масляницѣ, когда у Веревкина были званые блины, вдругъ среди цѣлой вереницы извозчиковъ и кучеровъ, ожидавшихъ своихъ хозяевъ, появился подвыпившій Федоръ Петровичъ. Онъ былъ въ

опоркахъ на босу ногу и въ рваномъ полушубкѣ, изъ подъ котораго выглядывали синіе, висѣвшіе лохмами штаны.

— Ребята! Гляди, пугало съ огорода.

— Снычъ, мое почтенье...

— А гдѣ-жъ твоя бобрячья шапка?..

То отшучиваясь, то огрызаясь: — Вали, ребята, чего тамъ... Налетай всѣ на одного... — Федоръ Петровичъ добрался до удобнаго противъ дома мѣста, откуда хорошо были видны освѣщенные окна перваго этажа. Сквозь кисейныя занавѣски Снычъ разсмотрѣлъ сидѣвшихъ за столомъ гостей и среди нихъ, какъ стоишь среди копенъ, хозяина.

Федоръ Петровичъ скрипнулъ зубами и, вскинувъ кулакъ, звонко заоралъ:

— Эй вы!.. Россійское купечество!.. Жри, чавкай... Чтобъ тебѣ этимъ блиномъ подавиться!..

Прохожіе задерживали шагъ, собиралась толпа.

— Верекинъ! Слышь, Верекинъ!..

Форточка была открыта. Кто-то изъ гостей подошелъ къ окну.

— Ты изъ меня всю кровь выпилъ. Какъ ты околѣвать то будешь? Эхъ ты, Верекинъ, Верекинъ!.. Жуликъ ты!..

Толпа хихикала. Гости то одинъ, то другой подходили къ форточкѣ и выглядывали на улицу.

— Капитальщики!.. Воши... Изъѣли насъ, исчавкали... У-у-у, ироды! Гори ты въ огнѣ, Верекинъ! Гори въ вѣчномъ огнѣ... Ты отвѣть, кто я былъ, и кто я черезъ тебя есть?.. Пьяница ты, Верекинъ, больше ничего. Больше я съ тобой не разговариваю... Къ чорту, къ чорту!..

Вдругъ Снычъ выхватилъ изъ-за пазухи кирпичъ.

— Эй, борода, береги личность—и со всего маху швырнулъ въ окно.

Зазвенѣли стекла, въ домѣ засуетились, всѣ кучера моментально вскарабкались на козлы. Толпа отхлынула на ту сторону улицы. Раздались свистки, крики, хохотъ.

А Федоръ Петровичъ, охрипшій отъ крика и ослабѣвшій стоялъ на томъ же мѣстѣ, покачивался, икалъ и плевалъ кровью.

Съ трескомъ распахнулись одновременно калитка и крыльцо. Хозяинъ, гости и дворня съ криками: — „Гдѣ онъ? А-а, хватай!..

Волоки, лупи его!..“ — сшибли съ ногъ Федора Петровича и кучей на него навалились.

— Вязжите хулигана! — тряся кулаками кричалъ городовой Веревкинъ. — Иначе я его кончу... Тащите его прощальника!.. Удавите!.. Житья отъ него не стало!..

Дозвольте разукрасить, — протискиваясь сквозь толпу прогнусиль Веревкинскій парень въ фартукъ, и въ одинъ мигъ все лицо барахтавшагося Федора Петровича густо вымазаль дегтемъ. Федоръ Петровичъ, лежа на спинѣ, отчаянно отбивался ногами и дико выль.

А толпа надрывалась хохотомъ: — Загни ему салазки, да смажь! — Даже двое строгихъ городовыхъ, волоча Федора Петровича къ извозчичьимъ санямъ, [прятали въ усахъ улыбку и отъ удовольствія сопѣли.

XI.

Федоръ Петровичъ, неумытый и растрепанный, двое сутокъ провалялся въ каталажкѣ.

— Эй вы! Господа начальнички. Крохоборы!..

— Поговори!..

— Вѣдь я подохну здѣсь!

— Туда тебѣ и дорога.

Въ его словно налитой растопленнымъ масломъ головѣ стоялъ немолчный шумъ, и ужасно ломило глаза. Онъ стоналъ и кашлялъ, временами теряя сознание, и тогда ему какъ будто становилось легче. Но каждый разъ, возвращаясь къ жизни, онъ мучительно озирался на сѣрыя стѣны каморки, и стиснувъ зубы, по звѣриному мычалъ.

Бока его ныли, сердце обсасываль пьяный змѣй, а въ груди что то хлюпало и переливалось.

— Ваша взяла!.. — шипѣль Федоръ Петровичъ, отирая взмокшій лобъ черной замазанной дегтемъ ладонью.

— Нѣтъ, еще погоди!.. Еще погоди, купецъ!.. — силясь вскочить, приподымался Федоръ Петровичъ, но тяжелая голова его вновь валилась на нары.

— Э-эхъ! — выдыхаль Федоръ Петровичъ, и его душу обдало холодомъ. Когда закрываль глаза, въ головѣ его поднимался какой то кавардакъ: то онъ видѣль себя сидящимъ на берегу

озера съ ковшомъ въ одной рукѣ и съ лукозицей въ другой, а въ озерѣ будто не вода, а водка. То онъ — Горопка-гудочникъ, стоитъ съ балалайкой передъ теремомъ Любаши и поетъ бабьимъ голосомъ вѣчную память.

Федоръ Петровичъ открываетъ глаза, всматривается передъ собой, что то хочетъ вспомнить. Ни Любаши нѣтъ, ни озера. Только мерцаетъ желтый огонекъ въ дверное оконце. Ни друзей, ни жены, ни силы. Силы не стало, смерть идетъ.

— Шабашъ... Прощай, братъ Федоръ... Отдохни, братъ... — шепчетъ онъ и чтобы не дать воли слезамъ, кричитъ: — Да-да-да!... — Но небритый подбородокъ его прыгаетъ.

Къ вечеру второго дня его отпустили. Городовые и окологородные схватились за бока, когда Федоръ Петровичъ выползъ изъ каморки.

— Оскобли рыло то... "Арапъ... Поди умойся..."

— Не горопись, умоюсь... — сказалъ Федоръ Петровичъ такимъ голосомъ, что хохотъ разомъ смолкъ.

Выйдя на улицу онъ всѣмъ тѣломъ вздрогнулъ и запахнулъ въ свой рваный полушубокъ, глубоко засунувъ руки въ рукава.

Покосившись на освѣщенные окна трактира Федоръ Петровичъ сплюнулъ, вобралъ непокрытую голову въ плечи и вприпрыжку затрусилъ вдоль заборовъ къ рѣкѣ. На углу къ нему пристала собаченка. Сначала тявкнула на него, а потомъ заюливъ, чернымъ клубкомъ покатила передъ нимъ. Федоръ Петровичъ пнулъ ее ногой. Она поджала хвостъ и поплелась сзади.

Гдѣ то бубенцы брякали и свисталь городовой въ свистокъ съ горошинкой. Проѣхалъ извозчикъ, окликнулъ Федора Петровича, но онъ не обратилъ вниманія. Все въ немъ остановилось и къ чему то приготовилось, а ноги сами собой несли въ спускавшійся надъ рѣкою туманный сумракъ.

Вотъ и послѣдній заборъ кончился, за нимъ — дорога и обрывъ къ рѣкѣ.

Федоръ Петровичъ остановился и, наклонившись, огладилъ лежавшую вверхъ лапами собаченку:

— Песикъ... Песикъ... Черненькій...

Осмотрѣвшись, онъ сталъ осторожно спускаться.

Какая то сила повернула его голову назадъ. Онъ въ послѣд-

нѣй разъ окинулъ взглядомъ, слабо освѣщенныя окраины города. Глаза его жадно искали чернаго на снѣгу комочка. Но песь ушелъ.

— Такъ... правильно... — проговорилъ Федоръ Петровичъ и криво усмѣхнулся.

Въ его душѣ что то качнулось и охнуло. Онъ въ раздумьи постоялъ съ минуту, не отрывая отъ города глазъ. Не вернуться ли?

— А ну васъ!—крикнулъ онъ наконецъ и, махнувъ рукой, быстро побѣжалъ внизъ по тропинкѣ.

* * *

Чернымъ клубкомъ скатился съ откоса песикъ и, поджимая подъ грудь четвертую обмороженную лапу, прикутыхалъ къ свѣжей полыньѣ. Обѣжалъ ее, приюхался, присѣлъ, насторожилъ правое ухо и тявкнулъ.

На соборной колокольнѣ медленно отбивали часы. Изъ за рѣки чуть слышно доносился по льду волчій голодный вой.

Песикъ переступилъ съ ноги на ногу, наскоро почесалъ задней лапой, чуть повизгивая, блошиное на брюхѣ мѣсто и тревожно насторожилъ другое ухо. Потомъ, отрывисто тявкнувъ и мотнувъ головой, песикъ поднялъ морду, искалъ голосомъ самую слезливую ноту и жалобно-завылъ-заплакалъ, косясь печальнымъ глазомъ то на огромный желтый мѣсяць, то на темную, такую жуткую въ ледяныхъ берегахъ воду.

Вяч. Шишковъ.